

В пятницу, 11 февраля, ему сто лет — «таинственному и загадочному факиру, дервишу и шпагоглотателю Димитриусу Лонго», который в прошлом веке показывал (согласно афишам) «сенсационный номер: отрубание головы ассистенту и любому из публики». А также проглатывал по самый эфес 60-сантиметровую шпагу, из ничего выращивал в реторте младенца, выпивал чашу расплавленного олова и закусывал раскаленным железом, гулял по горящим угольям, ложился на гвозди и прочее в том же духе.

Вот описание одного его номера, почерпнутое из книги об иллюзионистах:

«Ступенями лестницы служили сабли наверху острыми лезвиями. Желавшие могли убедиться, как наточены клинки. Лонго завязывали глаза, ставили на голову зажженную керосиновую лампу; он брал лук и стрелу и босой шагал вверх по лезвиям-ступеням. Накладывал на лук стрелу и посылал ее точно в центр обруча, заклеенного блестящей бумагой... После зрители осматривали его босые ступни, прошедшие по клинкам: ни одной царапины!»

— Хитрость в том, под каким углом заочить лезвия сабель, — комментирует эти строки Дмитрий Иванович. — Тогда пройти по ним — дело техники. А глаза завязывали ассистенты особым образом, чтобы я сквозь повязку видел... Мы в гостях у Лонго накануне дня

его рождения, в тихой квартире неподалеку от Останкинской башни; в беседе участвует его неизменный спутник и сотоварищ по представлениям 105-летний попугай Арра (скажешь: «Арочка красивый, Арочка умный!» — попугай снисходительно кивает). Дмитрий Иванович мастерит голову куклы-факира и неторопливо рассказывает. Но как заходит речь о чем-нибудь особо памятном, весь загорается, и глаза пылают былым «демоническим» пламенем.

— Жизнь моя — будто роман с приключениями... Родился в Джульфе, на границе с Персией. Мальчишкой привезли в Москву к деду, антиквару. А я семи лет возьми и убеги из дому «к индейцам и пиратам». «Добежал», как понимаете, только до Хитрова рынка. И стал бы босаком, кабы не Огюст Лионелли, был такой арфист и вообще на все руки артист. Он меня присмотрел и выучил слотать шпаги.

— Дмитрий Иванович, наверно, это жуткое дело — шпаги слотать?

— Да уж болезненное... Тренироваться долго нужно. Сперва щекоcut горло гусиным пером, затем вводят деревянную палочку, смазанную жиром; потом дальше, в пищевод, палочку из воска, потом снова деревянную, еще длиннее, затем металлическую... Когда по привычке, очередь до шпаги дошла.

— И что, любую шпагу...

— Нет, трехгранную нельзя, только плоскую и обязательно затупленную. Я ее, бывало, шерстянкой потру, чтобы клинок сорелся: так легче проглатывать... Ощущение какое? Кто желудочный зонд слотал, представит... А после попал я в Константинополь.

— Каким образом?

— На пароходе, в угольном бунке-

пасть руку совал), змеи анаконды (я с ними «целовался»), говорящий ворон, вот этот попугай (он пел: «Ламур, ламур...») и сотня дрессированных тараканов. По земле побродить пришлось: не слишком нас, балаганщиков, власти жаловали. Побывал я в Багдаде и в Индии, там кое в каких трюках поднаторел (по сей день, слышал, мой портрет в ассоциации индийских магов висит). Словом, вокруг света два раза, и в Австралии, и в Африке, и в обеих Америках. С изобретателем, с Эдисоном, познакомился, восточными блюдами его угощал... В Россию возвратился специалистом — не хуже, пожалуй, Калиостро или там Нострадамуса. Такие чудеса вытворял! У меня, к примеру, стол дубовый на двадцать пять персон от пола вот на столько приподнимался!..

— Да как же это?!

— Гм... Домкратом. Только о нем не знал никто... Столько людей знаменитых на своих представлениях повидал! Перед Куприным выступал, у Репина на даче, Чахов Антон Павлович мои фокусы смотрел, Мечников...

Горькому свою жизнь рассказал. «Хочу, — сказал, — написать о своих приключениях, а как — не знаю. Я ведь ни одного класса не прошел». Алексей Максимович мне посоветовал: «Просто, без выкрутасов, как мне рассказываете, так и пишите». Этот разговор с ним уже после Октябрьской революции произошел. Я продолжал выступать — перед красноармейцами, на заводах, в колхозах. В цирке работал. А после,

● «Арра, старый друг...»

уже перед войной, закончил: под семьдесят было, на пенсию вышел. Теперь, когда здоровье позволяет, ребятишкам представления даю, в детском саду, скажем. Вот, «говорящего факира» собираю. Может, кому из нынешних фокусников пригодится.

Не в силах артист оставаться без дела; еще чуткие руки справляются с тонкой работой. Он декламирует из Омара Хайяма, рассуждает о путях людских, шутилья сравнивая себя с балаганным философом Урсом из книги «Человек, который смеется». В пятницу ему сто лет. Весь свой век, без малого, он посвятил тому, чтобы люди, видя его искусство, удивлялись, улыбались и молодели.

Э. ЦЕРКОВЕР.

Фото Г. Дубинского.

СТОЛЕТИЕ ФАКИРА ДИМИТРИУСА

ре. Все рвался по странствовать. Чуть с голоду в Константинополе не помер; но подобрал меня один хозяин, привел в школу дервишей, и я там год обучался, танцы дервишей учил, штуки их разные. И на пароходе же, в бункере, вернулся домой. Работал в разных балаганах, бродячих цирках, у Никитина, у Чинизелли. Ох, и били там меня, за всякую промашку, да и так, ни за что... Чуть постарше стал — сколотили мы труппу: великан Иван Вакулин, ростом больше четырех аршин (под три метра), лилипутка Жозефина Крон, в полметра высотой (Иван ее на ладони к зрителям выносил), и я, «факир и дервиш». Был у нас двухголовый теленок (вторая голова приделанная, но как настоящая), крокодил (я ему в

● Димитриус Лонго 70 лет назад.